

— Мм?

Цзюнь Чжэн задумчиво протянул, словно серьезно обдумывая вопрос, а затем, улыбнувшись, пожал плечами.

— На мой взгляд, раз в этом мире существуют демонские культиваторы, то нет смысла их отрицать... Чем они, по сути, отличаются от нас? Если отбросить тех, кто не различает добра и зла, я считаю, что демонический путь — это просто один из способов практики. Я удивился, что старший брат Хуан избрал этот путь, не потому что он опустился, а потому что он когда-то говорил мне, что никогда не падет до демонического пути.

Юань Синнянь онемел. Он думал, что их отношения не были близкими. Оказывается, даже будучи соперниками, они понимали и ценили друг друга, обладая тем, что скрыто от посторонних глаз.

— Но запомни, младший брат: если у тебя действительно есть склонность к падению, — Цзюнь Чжэн повернулся и указал на грудь Юань Синняня, его лицо было серьезным и сосредоточенным, — никому не рассказывай, даже самым близким и доверенным людям. Этот мир... всегда полон бесконечной злобы по отношению к тому, чего не понимает.

Произнося последние слова, он не скрывал легкой насмешки на лице.

Позже, когда они закончили ухаживать за большей частью сада духовных растений, стало известно и о решении в отношении старшего брата Хуанцюаня. Глава секты был в ярости, но, уступив просьбам Шан Лу и других, в итоге заключил Хуанцюаня под стражу. Если демоническая природа не будет устранена...

— Тогда его ждет только смерть.

Цзюнь Чжэн произнес это с привычным спокойствием.

Дело со старшим братом Хуанцюанем можно считать закрытым, но Юань Синнянь понимал, что больше всего ему стоит беспокоиться о себе. Слова Цзюнь Чжэна он крепко запомнил: ни при каких обстоятельствах он не расскажет никому, что собирается ступить на демо-путь.

Цзян Хуаньхуа изначально не имел имени.

Старушка, которая его вырастила, будучи уже очень старой, погладила его по голове и оставила ему маленькую лавку и свое имя.

Название лавки стало его именем.

Цзян Хуаньхуа жил в городке Юнхэ. После смерти старушки к нему приходили свахи, но он, касаясь пустоты в груди, с горькой улыбкой качал головой. После того как единственный человек, который был ему дорог, ушел из жизни, эта лавка стала его единственным прибежищем. После нескольких вежливых отказов, хотя этот юноша с приятными чертами лица всегда был мягким и учтивым, свахи стали приходить всё реже, а в конце концов перестали спрашивать, не хочет ли он найти девушку, чтобы провести с ней остаток жизни.

В детстве Цзян Хуаньхуа тоже слышал истории о культиваторах, которые вольно гуляли по миру, уничтожая злодеев, и мечтал когда-нибудь вступить в секту и стать практиком, способным изменить свою судьбу вопреки небесам. К сожалению, у него даже не было духовного корня, поэтому он мог только мечтать об этом.

Недалеко от них находилась секта Небесных Врат, самая известная секта в государстве Чао. Легенды гласили, что там появились два культиватора стадии Великого Единения, бессмертные, чья жизнь длится столько же, сколько у неба. Цзян Хуаньхуа думал, что бы он делал, если бы у него была такая долгая жизнь. Если бы в этом мире остался только он один, а знакомые и близкие постепенно исчезали, он бы, наверное, сошел с ума. Поэтому он любил свои короткие, но насыщенные дни, надеясь, что в будущем встретит того самого человека.

Лавка Цзян Хуаньхуа едва обеспечивала ему пропитание. Когда не было посетителей, он сидел у входа и читал роман о культиваторах. Книга была такой длинной, что он читал её долгое время, и ему казалось, что она никогда не закончится.

Когда он перевернул последнюю страницу, его охватило чувство потери. У главного героя была своя судьба, но это было не похоже на него: до сих пор он не нашел того, кто мог бы тронуть его сердце.

Именно в тот сезон, когда с неба падали красные лепестки цветов, покрывая землю, Цзян Хуаньхуа, задумчиво глядя на строки в книге, заметил, что кто-то подошел к нему.

Вспоминая тот момент, он все еще чувствовал, что тот голос был подобен крепкому вину, насыщенному густым ароматом.

— Есть ли в твоей лавке миска вонтонов?

Цзян Хуаньхуа поднял голову. В мягком свете мужчина в черной одежде под широкополой шляпой скрывал лицо, покрытое кровью и ранами. В руке он крепко сжимал меч. Цзян Хуаньхуа заметил нефритовую табличку на его поясе. Он знал, что только в Секте Небесных Врат использовали такие красивые пластинки из цельного изумрудного нефрита.

Это была его первая встреча с Линь Сяо. Прежде чем Цзян Хуаньхуа успел ответить, мужчина рухнул ему на грудь, и под широкой грудью билось медленное и тяжелое сердце.

Цзян Хуаньхуа затащил его в свой дом, стараясь не затронуть раны, и отмыл окровавленное лицо, открыв черты, полные решимости и спокойствия. Впервые он почувствовал, как его сердце забило сильнее, а его эмоции начали оживать.

После трех дней ухода тяжело раненый Линь Сяо наконец пришел в сознание. Его меч лежал у кровати, и стоило коснуться его рукой, чтобы почувствовать холодную гладь клинка.

А Цзян Хуаньхуа наполнил миску вонтонами и молча наблюдал, как культиватор съедает их.

Культиватор с растрепанными длинными черными волосами улыбался, его лицо с четкими чертами излучало радость.

— Благодарю за спасение, юная госпожа. Линь не знает, как отблагодарить.

Лицо Цзян Хуаньхуа, белого и чистого, покраснело до половины. Он давно не разговаривал, и его голос звучал неловко и хрипло.

— Я не юная госпожа.

— Тогда Линь предложит себя тебе в мужа?

...

Цзян Хуаньхуа своими большими глазами внимательно осмотрел высокого культиватора и робко произнес:

— Мне не хватает хозяйки.

С одного взгляда он полюбил этого незнакомца, и в его сердце появилось тепло человеческого присутствия.

Культиватор громко рассмеялся и ущипнул нежную щеку Цзян Хуаньхуа.

— У меня есть важные дела, но через месяц Линь вернется.

— А если ты не вернешься, как я тебя найду?

— Линь не нарушает обещаний.

Культиватор встал, достал из-за пазухи нефритовую подвеску и протянул её Цзян Хуаньхуа.

— На, это семейная реликвия Линя. Юная госпожа должна хранить её бережно.

Культиватор ушел, оставив Цзян Хуаньхуа краснеть и бормотать:

...Я не юная госпожа.

Культиватор действительно сдержал слово, но не стал хозяйкой Цзян Хуаньхуа. Он вернулся, забрал подвеску, съел еще одну миску вонтонов и снова поспешно ушел.

Цзян Хуаньхуа смотрел на высокие деревья вдали. Ветер срывал красные цветы, и они покрывали землю. Он стоял в задумчивости, ожидая, что тот свободолюбивый культиватор снова остановится у него, улыбнется и попросит еще миску вонтонов.

Каждую глубокую ночь Цзян Хуаньхуа смотрел на свои ладони, где линии были короткими и тонкими. Гадалка говорила, что он не доживет до двадцати пяти лет, а ему уже было двадцать четыре. Он хотел провести эти краткие мгновения рядом с тем культиватором, видеть его беззаботную улыбку, его широкую спину и наблюдать, как он уходит, не оглядываясь.

И снова Цзян Хуаньхуа начал читать тот роман.

Культиватор смеялся над его влюбленностью, но он молча перечитал название и невинно ответил:

— Когда ты рядом, я не думаю о других.

Слова Цзян Хуаньхуа иногда были смелыми, но он всегда первым краснел. Культиватор часто смеялся, а иногда обнимал его за плечи.

Время пролетело слишком быстро. Когда красные цветы больше не падали, Цзян Хуаньхуа почувствовал, что его жизнь подходит к концу. Он вспомнил свою бабушку, единственную, кто его любил; перед смертью она аккуратно вытирала его непрерывно текущие слезы и тихо шептала слова утешения.

В день Праздника середины осени Цзян Хуаньхуа приготовил лунные пряники и ждал у входа весь день, пока наконец не рассмеялся с какой-то растерянностью. Линь Сяо, конечно, проводил праздник с семьей, в день воссоединения зачем ему было приходиться сюда? Он

держал в руках сделанные им самим круглые и милые пряники, но в итоге выбросил их. И лишь под утро тяжело уснул.

Прошло, казалось, очень много времени, и когда Цзян Хуаньхуа уже подумал, что культиватор забыл его, тот внезапно появился с толстой книгой в руках.

— Я отнял это у своей старшей сестры. Ты ведь любишь читать романы о культиваторах.

Цзян Хуаньхуа смотрел в те глаза — яркие и сияющие, недоступные для него.

Он молча подумал, что все еще любит его.

Когда год подходил к концу, культиватор пришел с опозданием, от него пахло вином. Как и при первой встрече, он упал ему на грудь, бормоча неразборчивые слова. Цзян Хуаньхуа подумал, что и у него есть печали, и он впервые показал их перед ним. В густой темноте ночи он гладил его лицо, горячая кожа обжигала ладонь. Цзян Хуаньхуа осторожно коснулся губами его беспокойных бровей.

Жизнь культиватора отлична от жизни простых смертных.

В тот день, когда Цзян Хуаньхуа дочитал весь роман, ему приснился сон: во сне они с культиватором крепко обнимались, а тот смотрел на него с искренней нежностью.

<http://bllate.org/book/16713/1536039>